

01231

1962/11/20

Около 12 часов ночи в резиденцию приехал Ф. Кастро, который в течение часа беседовал с А. И. Микояном, Ф. Е. Титовым и А. И. Алексеевым, о чем 20 ноября А. И. Микоян сообщил в ЦК КПСС (спец. № 1868):

ЦК КПСС.

К нашему № 1866. Вечером после того, как Родригес уехал из резиденции, нас посетил Фидель Кастро, использовавший в качестве повода для визита замену одного слова в письме к У Тану, не вносящего изменения в смысл фразы. Беседа продолжалась около часа.

Фидель Кастро сказал о своём послании следующее:

"Мы думаем, что это начало, определяющее общую точку зрения для решения вопросов. Исходя из общей обстановки, нам следует искать выход. Так у нас возникла идея написать это послание, чтобы помочь Советскому Союзу выйти из создавшегося положения. Хотя у нас и имеются некоторые расхождения, и мы сами предпочли бы иное разрешение вопроса, но в создавшейся обстановке мы считаем своим долгом помочь Советскому Союзу. Я считал, что в ответ на требование американцев о выводе ИЛ-28 с Кубы Советское правительство могло бы добиться:

1. Оформления гарантий со стороны США.
2. Прекращения полётов американских самолётов над Кубой и
3. Снятия карантина.

Я думал, что эти требования Советский Союз выдвинет в ответ на требование о выводе ИЛ-28. Однако Советский Союз большее внимание уделил борьбе за то, чтобы не допустить полной блокады Кубы.

Сами мы были готовы выстоять и против блокады с тем, чтобы Советский Союз не шел на уступки.

Я полагаю, что решение относительно вывода ИЛ-28 вами уже принято, однако, если Кеннеди сделает угрожающее, заносчивое заявление, он тем самым поставит Советский Союз в неприятное, сложное положение. В конечном счете угроза блокады вплоть до недопущения доставки горючего не так уж страшна — мы могли бы сопротивляться долго: год — два. У меня есть план на случай общей блокады.

моральный дух нашего народа так высок, что, по моему мнению, существуют условия для того, чтобы выдержать и это испытание. Мы выстояли бы. Враги не удушили бы революцию с помощью блокады. Конечно, нам пришлось бы принять жесткие меры, но империализм оказался бы в очень невыгодных условиях — среди народов Латинской Америки возникли бы брожение и волнения. Мы не должны бояться блокады. Это не сломит революцию".

Я не считал нужным, чувствуя усталость Фиделя, объяснять в данной беседе неправильность его суждений. Блокада, о судьбе кубинской революции и прочее. Об этом я буду говорить с ним в другой подходящий момент более подробно. Сказал ему, что с пониманием отношусь к его высказыванию в отношении ИЛ-28 и позиции СССР. Напомнил, что еще несколько дней тому назад информировал его, что, соглашаясь на вывоз ИЛ-28, Хрущев требует от американцев немедленного снятия карантина, прекращения облётов кубинской территории, быстрого оформления в ООН обязательства американцев о ненападении на Кубу.

Американцы согласились выполнить первое требование, отказываясь принять второе, пока не будет системы международного контроля. В отношении третьего — они согласились повторить всё, что было об этом сказано в послании Кеннеди.

Тогда Вы предложили, сказал я Фиделю, вопрос об облётах не связывать с выводом ИЛ-28, ибо Вы собирались послать протест в ООН и предупредить, что будете сбивать самолёты зенитным огнём. Вы правильно предложили тогда, чтобы вопрос о выводе ИЛ-28 связать только с прекращением карантина. Я об этом сообщил товарищу Хрущеву.

Фидель не возражал против этих моих утверждений.

Американцы заинтересованы затянуть переговоры дипломатически, мы, наоборот, заинтересованы ускорить, сказал я далее, и это в интересах Кубы. Нам нужно иметь тесное сотрудничество в этой дипломатической борьбе, за её успешное завершение. Своими действиями и выступлениями не подливать воды на мельницу оголтелых агрессивных кругов США. Наоборот, содействовать курсу на достижение соглашения в интересах Кубы на основе обмена посланиями между Н.С.Хрущевым и Кеннеди. И у нас такое мнение, что Кеннеди трудно отступить от этого.

Я сказал ему, что советские ракеты, доставленные на Кубу, а затем вывезенные, после получения гарантии о ненападении на Кубу, не только не усилили угрозы нападения на Кубу, как некоторые могут думать, но, наоборот, предотвратили такое нападение. Ведь факт, что еще до

того, как ракеты были доставлены на Кубу, еще до того, как американцы об этом унюхали, во второй половине сентября американцы объявили о военно-морских учениях с высадкой десанта в составе 20 тысяч солдат на остров Вьекес. Эти учения не были в планах военных маневров военно-морских сил США, объявленных на этот год. Подобные маневры были уже осуществлены с высадкой на этом острове по плану предыдущего года, и не было смысла их снова повторять. К тому же во главе их был назначен командир не соответствующего ранга, а командующий всеми десантными силами США в Атлантическом океане. Ураган, на который американцы сослались, мог прервать учения, но не мог привести к отмене их совсем. Все было собрано для нападения на Кубу. Узнав же о наличии советских ракет на Кубе, американцы оказались вынужденными перестроить свой план, подготовиться к тому, чтобы первым ударом вывести из строя ракетные установки, а затем совершить вторжение.

Открытое послание Хрущева о готовности вывести ракеты снова смешало их карты и сорвало нападение.

Фидель слушал внимательно, не возражая. Затем он заметил, что на врага действует, когда с нашей стороны принимаются активные меры и, наоборот, враг становится требовательнее, когда он видит, что ему делают уступку за уступкой.

Я ответил: Вы правильно говорите, что нельзя делать противнику уступку за уступкой. Это правильная тактика для борьбы с противником, мы ее и придерживаемся. Согласие на вывод ИЛ-28 нельзя рассматривать как новую уступку, поскольку, хотя в посланиях Хрущева о них не говорилось, но давалось согласие на вывод оружия, которое президент США назвал наступательным. Кеннеди действительно несколько раз говорил о бомбардировщиках. Формально бомбардировщики, конечно, оружие наступательное, хотя ввиду устарелости ИЛ-28 таковым уже не является. На этом основании мы стали оспаривать наступательный характер ИЛ-28 и отказывались их вывезти. Потом, взвесив всё, и, поскольку военное значение этих самолётов мало и у президента есть такое основание рассматривать отказ их вывезти как неполное выполнение наших обязательств, мы дали согласие на их вывоз при условии немедленного снятия карантина. Ни о каких новых уступках, следовательно, речь не может идти.

Я подчеркнул важность оформления обязательства Кеннеди о ненападении в ООН, так как в таком случае оно приобретает характер международного документа. После снятия блокады Куба сможет обеспечить быстрый расцвет экономики. Последнее подтверждается всем, что мы видели здесь, на Кубе, при посещении сельскохозяйственных предприятий, то же самое будет и в промышленности.

Дипломатическую борьбу, сказал я, следует вести гибко и умело. Конечно, у Вас шок от вывоза ракет, однако на Кубе остаются мощные силы и средства. Таких сил Вы никогда не имели.

Фидель Кастро перебил меня, заявив, что все эти силы и средства могут быть уничтожены в 15 минут, так как враг знает в результате фоторазведки их расположение. Ответил, что их можно перегруппировать. Фидель сказал, что он сообщил в последние дни командованию советских войск, что все зенитные средства, включая центральный пост управления огнём, рискуют быть уничтоженными. Я возразил, отметив, что американцы не осмелятся сейчас это сделать, зная о том, что здесь — советские войска. Добавил, что позднее осуществим перегруппировку.

Я отметил, что, если соотношение сил в мире в нашу пользу, то в районе Карибского моря американцы занимают выгодное положение. Однако соотношение сил в мире связывает американцев. Привел аргументы о возможностях нажима в Берлине и других местах. Отметил, что было бы полезно, если бы китайцы ударили по Гонконгу, Тайваню, Макао.

Фидель, волнуясь, рассказал о наглой бомбежке американцами кубинского парохода "Рио Домоке", шедшего из Канады. На широте Чарлстона, после трёхдневной слежки, в темноте американский самолёт, сделав четыре захода, сбросил несколько бомб, разорвавшихся в 30-50 футах от корабля. Он добавил с возмущением, что если бы бомбы попали в цель, то корабль пропал бы без вести.

Я отметил, что американцы настоящие пираты.

Вы знаете, товарищ Фидель, сказал я ему, что мы делаем и сделали всё необходимое для защиты Кубы — даем людей, материалы, оборудование, оружие, не считаем деньги. Но Вы должны знать, что мы не можем пойти на термоядерную войну — это грань, которую мы не можем перейти.

Фидель поддержал: это правильно, он и сам такого же мнения, этого нельзя допустить. Ведь Куба перестала бы существовать — продолжал я. Погибли бы многие миллионы людей. Те, кто выжили бы, никогда не простили бы коммунистическому руководству того, что оно не использовало всех возможностей для избежания войны. В таком случае коммунизм

потерял бы свою притягательную силу в глазах людей. Мы пошли по этому пути. Отстояли мир, защитили Кубу.

Теперь нельзя останавливаться на полпути. Нам следует определить свою позицию по отношению к новой идее У Тана. Мне передали, продолжал я, что Ваш ответ будет дан завтра.

Фидель заметил на это, что вопрос о многостороннем контроле должен быть составной частью всей совокупности проблемы. В противном случае, сказал он, мы предпочли бы обойтись без гарантий. Кеннеди дал обязательства не нападать, но их не гарантирует. Несмотря на эти обязательства, он может напасть даже без всякого повода.

Я привел аргументы относительно значения оформления этих гарантий в ООН, в результате чего они приобрели бы характер международного соглашения. Добавил, что американцы не захотят терять свой престиж.

Фидель возразил, сказав, что предлог они всегда найдут, могут организовать "самонападение" на базу Гуантанамо и прочее.

Ответил Фиделю, что американцы будут бояться сделать это. Ведь мы прижмём их в других местах, а им нужно решать и многие другие проблемы. Отметил, что США боятся новых изменений соотношения сил в пользу социализма, что три года назад благодаря кубинской революции соотношение сил также еще больше изменилось в пользу социализма. Привёл в качестве примера соглашение по лаосскому вопросу. Кеннеди пришлось отступить, сославшись на то, что лаосский вопрос достался ему в наследство от Эйзенхауэра.

Фидель задал вопрос: не намеревается ли Советское правительство предпринять какой-либо шаг до завтрашнего выступления Кеннеди.

Ответил ему, что пока не имею информации по этому вопросу и не думаю, что это необходимо. Добавил, что, как мне кажется, Кеннеди не будет выступать в воинственном духе, так как он сам заинтересован далеко не заходить. Но если дело так повернется, то мы в долгу не останемся. Затем Фидель высказал предположение, что факт опубликования кубинского заявления (письмо У Тану от 19 ноября) должен способствовать переговорам. Я ответил утвердительно. Это послание, добавил я, не даёт возможности для спекуляции относительно предполагаемых расхождений между нами. Оно проникнуто духом равноправия и взаимности.

Фидель сказал, что они - не противники переговоров. Отвечая ему, подчеркнул, что до тех пор, пока на международной "дипломатической доске" будут использованы все дипломатические фигуры, включая и военных, мы будем использовать все дипломатические фигуры, включая и военных. Напомнил о нашем преосвященном в области дипломатии. Привел примеры из истории в области дипломатии.

о военном значении группового полёта космических кораблей, об отставании американцев в ракетостроении, о водородной бомбе в 100 мегатонн. Фидель в шутку заметил, что неплохо было бы одну из таких бомб бросить на Аденауэра. На это я сказал ему, что в диалоге с Кеннеди, когда тот упомянул о позиции Аденауэра, Н.С.Хрущев заметил, что Аденауэр может теперь утешать себя тем, что ракеты с Кубы будут нацелены на Западную Германию.

Когда я заметил, что наши глобальные ракеты тщательно скрываются от воздушного наблюдения, Фидель, улыбаясь, сказал: "Был бы я советским, так же бы делал".

Я сказал ему и о том, что с помощью наших спутников мы имеем детальные фотоснимки вражеской территории. Это произвело на него большое впечатление. Он поинтересовался, не сказались ли американские ядерные взрывы в атмосфере на возможностях используемых в этих целях средств. Ответил отрицательно.

Пропавшая Фидель сказал, что кубинский народ не дает возможности ^{х)} принимать решение, исходя лишь из соображений разума. Следует принимать во внимание и эмоциональный фактор. "Это, сказал он, трудно почувствовать в Советском Союзе, на расстоянии. Представьте себе, продолжал он, наши солдаты плакали в траншеях, не имея возможности стрелять по самолётам, проходящим на бреющем полёте. Это тяжело сказывается на моральном духе, а следует учитывать, что враг будет долго нам угрожать. Кубинцы войны не хотят, понимают ее опасность. Однако ненависть народа к империалистам так велика, что он как будто предпочел бы даже смерть: нам нужно теснее соотнести рассудок и эмоции. Революция углубляется, моральный дух народа окреп, возникло непримиримое отношение к врагу".

Я ответил ему, подчеркнув, что он пользуется таким авторитетом и доверием среди народа, что в его силах обеспечить желательное изменение умонастроения. Фидель ответил, что он сам виноват в создавшемся положении.

Если бы Вы знали, товарищ Фидель, сказал я ему на это, какую гибкость, какую маневренность в политике проводил Ленин в тяжелые годы сразу после революции. Ведь по Брестскому миру он отказался от огромной части нашей страны. Он считал, что время работает на нас и положение изменится. Так и случилось. В партии и в народе многие тогда не понимали и не поддерживали этих маневров Ленина. Даже Московский областной комитет партии открыто выступил против.

Вы могли бы объяснить своему народу так же, как это сделал Ленин в 1918 году.

Вот, видимо, несколько искажен при передаче (В.Ч.).

Фидель ответил, что в первые моменты кризиса ему казалось, что "мертвые воскресли...". Я сказал ему еще раз, что он пользуется огромным доверием и уважением Н.С.Хрущева и всех членов нашего руководства.

"Товарищ Хрущев и ЦК постоянно помогают мне в наших с Вами переговорах, внимательно следит за ними, дает много советов, приводит и изобилии нужные аргументы, заботясь о том, чтобы я сумел дать Вам все возможности понять полностью наши позиции и добиться полного сотрудничества между нами в борьбе за защиту Кубы, против империализма.

Вот и сегодня, после того, как я вернулся со встречи во дворце, перечитал последнюю телеграмму Н.С.Хрущева, в которой он подсказывает новые аргументы в пользу принятия последнего предложения У Тана". В заключение подчеркнул, что у нас нет никаких национальных интересов на Кубе. Мы преследуем лишь интернациональные цели - становление коммунизма. Кубинская революция принесла империализму огромный урон. Фидель подад реплику, что Кубу нельзя победить, ее можно лишь уничтожить...

Я напоминал о намерениях Даллеса восстановить капиталистический строй в Чехословакии, Венгрии, Польше и других странах. Сказал, что в нынешних условиях такого рода намерения - пустой бред, от которого и Кеннеди теперь отказался. Обещал рассказать им о нашей позиции по берлинскому вопросу. Фидель ответил: "Товарищ Никаян, нас все интересует, все касается нас. Для нас важно понимание всех вопросов современной действительности". Я по-дружески заметил, что он теперь не партизан, а глава правительства. Чувствовалось, что ему было приятно это замечание. Прощаясь Фидель сказал, что он любит работать, но в эти дни это очень трудно.

Беседа была дружеской, братской, на ней присутствовали гг.Титов и Алексеев.

20.XI.62г. А.Никоян

Справка: № 1866-1867 (вх. № 52806) от 20.XI.62г. г.Никоян сообщил о беседе с г.Родригесом, во время которой г.Никоян ознакомил г.Никояна с тезисами последнего выступления Кастро на днях У Тана.

TRANSLATION FOLLOWS

Mikoyan Telegram to the CC CPSU, 20 November 1962

At approximately midnight, F. Castro came to the residence and spoke with A.I. Mikoyan, F.E. Titov, and A.I. Alekseev for about an hour, about which Mikoyan reported to the CC CPSU (special number 1868).

Mikoyan to CC CPSU
November 20, 1962

CC CPSU

To our 1866. In the evening, after Rodriguez left the residence, Fidel Castro paid us a visit for which he used the pretext of changing one word in the letter to U Thant, which did not change the meaning of the phrase at all. The conversation lasted about an hour.

Fidel said the following in his statement:

"We believe that this is the beginning, which defines our common point of view to resolve these issues. We need to look for a solution starting from the [existing] general situation. Therefore, we had the idea to write this letter in order to help the Soviet Union resolve the present situation. Although we have certain differences of opinion, and we ourselves would prefer a different resolution of this issue, in the current situation we believe it is our duty to help the Soviet Union. I thought that in response to the U.S. demand for the withdrawal of the IL-28s from Cuba, the Soviet government could achieve [the following demands]:

"(1) A formulation of guarantees on the part of the United States.

"(2) The cessation of flights of American planes over Cuba.

"(3) The lifting of the quarantine.

"I thought that the Soviet Union would have presented these demands in response to the [U.S.] demand regarding the withdrawal of the IL-28s. However, the Soviet Union devoted great attention to fighting against a full blockade of Cuba.

"As far as we are concerned, we were ready to stand strong and survive the blockade, without requiring the Soviet Union to make concessions.

"I feel that you have already made the decision regarding withdrawal of the IL-28s; however, if Kennedy makes a threatening, arrogant statement then he would put the Soviet Union in a difficult and unpleasant position. Ultimately, the threat of a blockade up to the [level of] interdicting fuel deliveries is not all that frightening after all—we

could bear it for a long time: one or two years. I have a [contingency] plan for a general blockade: the morale of our people is so high that, in my opinion, the conditions exist for us to survive this test as well. We would survive it. Our enemies would not be able to strangle the revolution with the blockade. Of course, we would have to undertake harsh measures but imperialism would end up facing very unfavorable conditions—dissatisfaction and agitation would emerge among the peoples of Latin America. We should not be afraid of the blockade. This will not break the back of the revolution.”

I did not consider it necessary, understanding Fidel’s exhaustion, to try to explain how wrong his arguments were in this conversation. The blockade, the fate of the Cuban revolution, and other things. I will talk to him about it at an appropriate moment in more detail. I just told him that I understood his statement regarding the IL-28s and the USSR’s position. I reminded him that just several days ago I informed him that, while agreeing of the withdrawal of the IL-28s, Khrushchev is demanding that the Americans immediately lift the quarantine, stop the overflights of Cuban territory, and quickly affirm America’s obligations through the United Nations not to invade Cuba.

The Americans agreed to fulfill the first demand, but refused to accept the second before there is a system of international control. Regarding the third demand—they agreed to repeat everything that had already been said in Kennedy’s letter.

Then you proposed, I told Fidel, not to link the question of overflights with the withdrawal of IL-28s, because you were going to send a protest to the United Nations and to warn that you would be shooting down airplanes with antiaircraft fire. At that time you proposed correctly that the issue of IL-28 withdrawals be linked only with the lifting of the quarantine. I informed comrade Khrushchev about that.

Fidel did not object to these statements.

The Americans are interested in dragging out the negotiations through diplomatic channels, and we, to the contrary, are interested in speeding them up, I said, and that is in the interests of Cuba. We have to have close cooperation [with you] in this diplomatic struggle in order to complete it successfully. We should not pour water on the mill of the blatant aggressive circles of the United States by our actions and statements. To the contrary, we should help the cause of reaching an agreement in Cuba’s interests on the basis of the exchange of letters between N. S. Khrushchev and Kennedy. And we are of the opinion that it would be difficult for Kennedy to back away from it.

I told him that the Soviet missiles that were brought to Cuba and then removed from Cuba after we received the non-invasion guarantee not only did not increase the danger of attack on Cuba, as some people might think, but to the contrary, prevented such an attack. Because it is a fact that even before the missiles were brought to Cuba, even before the Americans got wind of it, in the second half of September, the Americans announced Naval exercises with the landing of 2,000 paratroopers on the island of Vieques. These maneuvers were not in the plans of the U.S. Navy for military maneuvers

this year. Similar maneuvers had already been conducted with landings on this island, according to last year's plan, and it did not make any sense to repeat them again. In addition, the commander of these maneuvers was not just a commander of an appropriate rank, but the commander of all U.S. paratroop forces in the Atlantic Ocean. The hurricane, which the Americans cited, could have interrupted the maneuvers but could not have led to their cancellation. Everything was gathered for the attack on Cuba. Upon learning about the presence of the Soviet missiles in Cuba, the Americans were forced to redraw their plans and to prepare to deliver a first strike to take out the missile launchers and then to carry out an invasion.

The open statement by Khrushchev about [our] readiness to withdraw the missiles messed up their cards once again, and prevented the invasion.

Fidel was listening attentively, making no objections. Then he noted that it impresses the enemy when our side takes active measures and, to the contrary, the enemy increases his demands when he sees that he is granted one concession after the other.

I responded: you are right when you say that we cannot give one concession after another to the enemy. This is the correct tactic for fighting the enemy, and we abide by it. The agreement to withdraw the IL-28s cannot be considered a new concession because even though they were not mentioned in Khrushchev's last letter, he gave his consent to withdraw the weapons the U.S. president called offensive. It is true that Kennedy spoke about the bombers several times. Formally, of course, bombers are offensive weapons even though IL-28s cannot be considered as such because they are obsolete. On this basis we began to challenge the offensive categorization of the IL-28s, and refused to withdraw them. Later, upon weighing all the factors, and because the military importance of these planes is too small, and because the president has some grounds to consider our refusal to withdraw them as an incomplete fulfillment of our obligations, we agreed to their removal on condition that the quarantine would be lifted immediately. Therefore, we cannot talk about any new concessions.

I emphasized the importance of affirming Kennedy's non-invasion obligations at the U.N., because in that case it would become an international document. After the blockade is lifted, Cuba will be able to ensure a quick growth of the economy. We are sure of that, because of everything we saw here in Cuba when we visited the agricultural enterprises, and the same will happen in the industry.

One should conduct a diplomatic struggle flexibly and skillfully. Of course, you are in shock [now] from the missile withdrawal; however, powerful forces and means [weapons] still remain in Cuba. You have never had such forces before.

Fidel Castro interrupted me, saying that all these forces and means can be destroyed in 15 minutes, because the enemy knows about their location as a result of photoreconnaissance.

I responded that we could regroup them.

Fidel said that he informed the commanders of the Soviet forces over the last several days that all the antiaircraft systems, including the central command and control post, are at risk of being destroyed. I objected, saying that the Americans will not dare to do it now, knowing that the Soviet troops were here. I added that we would conduct regrouping later.

I noted that whereas the correlation of forces in the world is in our favor, in the Caribbean basin the situation is favorable to the Americans. However, the correlation of forces in the world binds the Americans, ties down their hand. I cited arguments about the possibility of putting pressure on Berlin, and in other places. I noted that it would be useful, if the Chinese could strike against Hong Kong, Taiwan, or Macao.

Fidel emotionally told me about the blatant bombing by the Americans of the Cuban steamship "Rio Domoji" en route from Canada. At the latitude of Charleston, after following in for three days, in the dark, an American plane made four passes at the ship, and dropped several bombs, which exploded 30 to 40 feet from the ship. He added indignantly that if those bombs had hit the target, then the ship would simply disappear.

I noted that the Americans are real pirates.

You know, comrade Fidel, I said to him, we are doing and have done everything necessary to defend Cuba. We are giving you people, materials, equipment, weapons, we are not counting the money, but you have to know that we cannot permit a thermonuclear war – this is a threshold that we cannot cross.

Fidel supported it: that is correct, he shares the same opinion that this should not be permitted.

[In that case] Cuba would cease to exist, I continued. Many millions of people would die. Those who would survive, would never forgive the communist leadership for not using every opportunity to avoid war. In that case, communism would lose its attractive force in the eyes of the people. We had chosen a different way. We secured peace, and protected Cuba. Now we cannot stop halfway through. We have to define our position regarding U Thant's new idea. I was told, I continued, that you would give your response tomorrow.

To that Fidel responded that the question of multilateral inspections should be considered as part of the overall problem. In the opposite case, he said, we would prefer to do without guarantees. Kennedy gave a pledge not to attack, but he does not guarantee it. These obligations notwithstanding, he can attack even without any pretext.

I cited arguments relating to the importance of formalizing these guarantees through the U.N., as a result of which they would have the force of an international agreement. I added that the Americans would not want to lose their prestige.

Fidel objected, saying that they would always find a pretext, and they can organize a self-orchestrated attack on the base at Guantanamo, and other things.

I responded to Fidel that the Americans would be afraid to do it, because then we would squeeze them in other locations, and they have many other problems to worry about. I noted that the United States is afraid of new changes in the correlation of forces in favor of socialism, and that three years ago, thanks to the Cuban revolution, the correlation of forces changed even more in favor of socialism. Then I cited the agreement on Laos as an example. Kennedy had to retreat, citing the fact that he inherited the Laos problem from Eisenhower.

Fidel posed a question: does the Soviet government intend to undertake any step before Kennedy's speech tomorrow?

I responded that so far I do not have any information on this issue and I do not think that it is necessary. I added that as far as I know Kennedy is not going to speak in a militant spirit, because it is in his interest not to step very far. But if it turns out to be that, then we will not be caught without a response. Then Fidel suggested that the fact of publication of the Cuban statement (the letter to U Thant from 19 November), should help the negotiations.

I responded affirmatively. That letter, I added, does not give them any opportunity for speculation regarding suspected differences between us. It is written in the spirit of equality and reciprocity.

Fidel said that they were not against negotiations. Replying to him, I emphasized that until we use all the diplomatic pieces on the international chessboard, it does not make any sense to use the war pieces. I reminded him of our superiority in long-range missiles. I cited examples of their launches in the assigned area of the Pacific Ocean, and mentioned the military importance of the group flight of spaceships, of Americans lagging behind us in missile construction, and about the 100-megaton hydrogen bomb. Fidel jokingly noted that it would not be bad to drop one of those bombs on Adenauer. To that I responded, saying that in his dialog with Kennedy, when he [Kennedy] mentioned Adenauer's position, N. S. Khrushchev noted that Adenauer could now console himself with the fact that missiles from Cuba will be targeted at West Germany.

When I noted that our global missiles are carefully hidden from air reconnaissance, Fidel smiled and said: "If I was a Soviet, I would have done the same."

I told him that, thanks to our sputniks, we have detailed photographs of enemy territory. That made a great impression on him. He inquired whether the American

nuclear tests in the atmosphere affected the capability of the equipment that was used [for those photographs]. I responded negatively.

Getting ready to leave, Fidel said that the Cuban people do not give him the possibility* (apparently the text of this sentence was somewhat altered during transmission), to make a decision based on purely rational factors. One has to take into account emotional factors as well. This, he said, is very difficult for the Soviet Union to understand from a distance. "Just imagine," he said, "our soldiers cried in the trenches, having no opportunity to shoot at the planes, which were flying at grass-cutting altitudes. That affected their morale negatively. And one has to take into account that the enemy will still be threatening us for a long time. The Cubans do not want war, they understand its danger. However, the peoples' hate of the imperialists is so great that they would almost prefer death. We have to coordinate our reason and emotions better. The revolution is becoming deeper, the morale of the people has become stronger, and an irreconcilable attitude toward the enemy has emerged now.

I responded to him emphasizing that he enjoys such authority and trust among the people that it is in his power to ensure the desired changes in mood. Fidel responded that he himself was guilty of the situation that has been created.

If you only knew, comrade Fidel, I told him, what maneuvers Lenin exhibited in policy in the difficult years immediately after the revolution. According to the Brest peace, he gave up a large portion of our country. He believed that time was working for us, and that the situation would change. That is exactly what happened. Many in the party and among the people did not understand and did not support Lenin's maneuvers then. Even the Moscow regional party committee openly spoke against him.

You could explain [the situation] to your people the same way Lenin did in 1918.

Fidel responded that in the first moments of the crisis he thought that "the dead had come to life again ..."

I told him once again that he enjoys great trust and respect from N. S. Khrushchev and all the members of our government. Comrade Khrushchev and the Central Committee constantly assist me in our negotiations, they follow their development very closely, give advice, and present many necessary arguments, being very careful that I should be able to give you every opportunity to understand our positions fully, and to achieve full cooperation between us in the struggle to defend Cuba against imperialism.

Today also, after I returned from the meeting at the Palace, I re-read the last telegram from N. S. Khrushchev, where he suggests new arguments in favor of accepting U Thant's last proposal.

In conclusion, I emphasized that we have no special national interests in Cuba, we are only pursuing international goals to encourage the development of communism. The

Cuban revolution inflicted huge losses upon imperialism. Fidel interjected that Cuba could not be defeated, it could only be destroyed.

I reminded him of Dulles' intentions to reinstall the capitalist regime in Czechoslovakia, Hungary, Poland and other countries. I said that in the present conditions, such intentions are empty delusions, which Kennedy has now rejected. I promised to tell him about our position on the Berlin issue. Fidel replied: "Comrade Mikoyan, we are interested in everything. For us, everything is relevant. It is important for us to understand all the issues of the modern world."

I noted in a friendly way that now he is not a guerrilla any longer, but the head of a government. I felt that he was pleased to hear that.

Departing, Fidel said that he likes to work, but in these days it was very difficult.

The conversation was very friendly, brotherly. Comrade Titov and Alekseev were present at the conversation.

November 20, 1962

A. I. Mikoyan